

«Двенадцать друзей», или Как предстают конфессиональные ценности в духоборческих псалмах

Духоборческое сообщество представляет собой одну из этноконфессиональных групп русского народного протестантизма, для которого характерно слияние религии и этнической культуры, когда практически любое проявление последней подчиняется религиозным установкам. В настоящее время, когда в России происходит явный распад духоборческой культуры, особое внимание в этом отношении могут привлечь тексты духоборческих псалмов, излагающих вероучение и объединенных в устную «Животную книгу», записанную и опубликованную В. Г. Бонч-Бруевичем в начале XX в. Именно к ее текстам я и обращаюсь в попытке описать некоторые конфессиональные ценности духоборцев.

Псалмы довольно пестры и часто темны по своему происхождению и содержанию. Часть из них имеет вопросно-ответную форму, напоминающую катехизис и служащую для подробного описания (иногда — метафорического) основных религиозных понятий, часть близка к библейским текстам. Есть тексты, сходные с православными духовными стихами, бытующими в старообрядческой среде. Наконец, присутствуют тексты, содержащие правила жизни и сочиненные, по видимому, духоборческими вождями.

Процитирую первые семь строк псалма № 157, который в устном варианте имеет название «Двенадцать друзей» (другой вариант этого текста в «Животной книге» (№ 380) называется «Сказание о друзьях»; раньше текст бытовал и у молокан):

Да кто себе на земле поимеет двенадцать друзей, наипаче всех человек.

Первый друг — *правда*, та человека от смерти избавляет.

Второй друг — *чистота*; чистота человека к Богу приводит.

Третий друг — *любовь*; где любовь, там и Бог.

Четвертый друг — *труды*; телу честь, душе на вспоможение.

Пятый друг — *послушание*, скорый путь ко спасению.

Шестой друг — *неосуждение*, без труда человеку спасение.

Далее идут *рассуждение, милосердие, покорение, молитва с постом, благодарение, покаяние*. Конец текста: «За того человека заступятся двенадцать ангелов; возьмут его душу, понесут в царствие небесное».

Нетрудно заметить, что выделенные мной курсивом «други» суть номинации понятий, обозначающих качества / добродетели, состояния, поступки / действия, исполнение которых является для человека благом, приближающим его к Богу и удаляющим от смерти. Эти номинации получают по две позитивных оценки: конкретную, идущую от их функции / назначения: (*послушание* — «скорый путь к спасению», *покаяние* — «Богу радость») и общую — «друг (человека)». Но что обозначают конкретные названия «другов»? *Правда* — многозначное слово, *чистота* и *любовь* — тоже. Для установления значения нужно выйти за пределы этого текста и осуществить поиск контекстов по всему корпусу псалмов. Так, для высокочастотного слова *правда* оказывается, что оно по смыслу, с одной стороны, связано с лексемами *закон, право, справедливость* («Бог будет судить по правде»), с другой — со словами *ложь, неправда* как соответствие / несоответствие реальности («Говори всегда правду, никогда не лги» — из поучительных псалмов). В рассматриваемом псалме № 157 значение лексемы *правда* неопределенно, что характерно для диффузного употребления многозначных слов в языке народной культуры. Отметим, что в языке духоборцев это слово, как и многие другие, связано с народно-этимологическим осмыслением: на вопрос «Что есть правда?» дважды в текстах следует ответ «**Правда** есть **справление** к престолу Божьему».

Слово *чистота* в других контекстах — прежде всего, «благодушевная чистота сердечная», которой все очищается. На вопрос «Чистота плоти и чистота духа — какая разница?» следует ответ «Мы духом **чистым**, светом молимся и постимся, той же силой **очищаем** плоть свою». Через понятие чистоты определяется слово *пост* (православных постов духоборцы не соблюдают): «Пост наш плотский — **чистота** от головы и до ног». Это слово встречается практически в каждом из тринадцати «Снов Богородицы», входящих в состав псалмов и читаемых перед смертью самим умирающим или родственником у его постели. Чистота читающего (а «человек **честен чистотою**») и сохранение в чистоте письменного текста служит оберегом от всех возможных несчастий в доме и в дороге.

Практически все слова-*други* из псалма № 157 входят и в другие перечни слов, объединенных чаще всего вопросами, например: «Что есть девять блаженств евангельских? — Вольная нищета, плач о грехах, крепость желанья, **правда**, **милость**, чистосердечное миротворение, изгнание **правды** ради, поношения за имя Господне». *Труд* является третьим концом метафорического духовборческого *креста* наряду с *верой*, *надеждой* и *питанием*. Подобные перечни в псалмах исчисляются многими десятками.

Двенадцать слов-*другов* и другие многочисленные слова в этих оценочных перечнях, близкие по характеру к рассмотренным выше, указывают на стоящие за ними ключевые концепты культуры. Последние, судя по даваемым им оценкам, являются конфессиональными ценностями духовборцев, вбирающими в себя религиозно-культурные смыслы их мировоззрения.

К. В. Осипова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
zwierze@yandex.ru

Крестьянский рацион голодного времени (на материале севернорусской диалектной лексики)

В традиционном укладе жизни крестьянина чередовались сытые и голодные периоды, что определялось как природными, так и социально-историческими факторами. Сытым оказывалось осеннее время, когда собирался основной урожай и резалась скотина, голодными — весна и первая половина лета. Естественно, что более богатым был праздничный стол, более калорийными — блюда скоромных периодов, тогда как повседневная пища и постный стол готовились гораздо скромнее. И конечно, самый скудный рацион приходился на периоды социально-исторических перемен и потрясений — войн, коллективизации и пр., когда большая часть продуктов сдавалась в колхоз и/или отправлялась на фронт.

Лексика севернорусских диалектов — ее мотивационный компонент, особенности семантического развития и контекстного